

УДК 1:37

ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ФИЛОСОФСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

М. И. Вишневский

доктор философских наук, профессор

Могилевский государственный университет имени А. А. Кулешова

Получение философского образования сопряжено с осуществлением теоретико-мировоззренческого синтеза. Этот синтез дает новые идеи, направляющие различные виды деятельности. Многоплановость таких идей позволяет по-разному их интерпретировать, связывая между собой несходные конкретизации. Мировоззренческий диалог есть путь достижения взаимопонимания, предотвращения конфликтов.

Ключевые слова: мировоззренческое образование, философский синтез, мировоззренческий диалог.

Получение философского образования может быть направлено на решение разных задач, но непосредственно оно выступает как способ приобщения к философскому мировоззрению, представленному соответствующими учениями и идеями. Эти учения и идеи, взятые в их совокупности, вовсе не обязательно характеризуются концептуальной однородностью и в данном отношении не образуют ту внутренне согласованную целостность, которая отличает структурно единые, непротиворечивые конкретно-научные теории. Исходные посылки и направления развертывания разных философских концепций могут быть весьма несходными, даже противоположными. И если мы все же говорим о философии в целом, то подразумеваем при этом наличие у представляемого ею знания общих, интегративных признаков, причем — иного свойства, нежели концептуальная однородность. Подобную общность мы имеем в виду, утверждая, что философия является *теоретическим мировоззрением*, и проблемы ее — не конкретно-научные, а именно мировоззренческие.

Как теория в тех или иных ее проявлениях или разновидностях, философия причастна к науке или весьма сходна с ней. Но наука, являющаяся трудно обозримой совокупностью конкретных областей специализированного развивающегося знания, сама по себе целостного мировоззрения не образует. У каждой из отраслей научного исследования, равно как и у вырабатываемых в них теорий имеются свои особые задачи, и постижение мира в целом в его отношении к человеку, а это отличительная особенность мировоззрения, не входит непосредственным образом в число таких задач. Отдельные ученые могут живо интересоваться философскими проблемами своей науки или даже более широким их кругом, выдвигать оригинальные мировоззренческие идеи, но все это, строго говоря, выходит за рамки их основной профессиональной научной деятельности. Призвание ученого состоит в том, чтобы получать объективные знания об изучаемых предметах; в мировоззрении же человек выражает не только знания об изученном, но и свои ценностные установки, убеждения, идеалы.

Здесь нужно заметить, что далеко не все работы, публикуемые в качестве философских, охватывают весь круг теоретико-мировоззренческих проблем. Бо-

лее того, в наши дни подобных работ ничтожно мало. Созидание оригинальных и всеобъемлющих философских систем практически прекратилось; претензии такого рода, даже будучи заявленными, воспринимаются, как правило, в качестве курьеза или неоправданной интеллектуальной дерзости. Вместе с тем, различные философские концепции, с которыми знакомятся в процессе получения образования, обоснованно воспринимаются теми, кто его получает, как части широкого и развивающегося целого, именуемого философией. Эти части не только различаются между собой, но и дополняют друг друга, компенсируя неизбежную односторонность каждой из них, взятой по отдельности. Любое определившееся философское учение выражает мировоззренческую позицию его создателя, а также его сторонников и последователей. Если же признается правомерным говорить о философском мировоззрении в целом, то оно является собой трудно обозримое единство многообразного и разнородного содержания.

На относительную полноту репрезентации проблемного поля философии могут претендовать разве что учебные издания по соответствующему курсу, но и здесь не избежать влияния особых теоретических пристрастий их составителей, социокультурной ситуации в обществе и т.д. Тем не менее, редакторы философских журналов без труда отличают и отбирают тексты, соответствующие профилю их изданий. Руководствуются они утвердившимся в философском сообществе традиционным представлением о проблемах, специфичных именно для этой области исследований и не сводимых ни к чисто научным, ни к техническим, политическим и иным проблемам.

Конечно, различия между философскими и нефилософскими проблемами не являются совершенно жесткими. В прошлом не раз бывало, что вопросы, которые обсуждались признанными философами и входили в состав их теоретико-мировоззренческих концепций, в дальнейшем становились предметом углубленной конкретно-научной разработки. Их контекст, критерии оценки значимости получаемых результатов и даже способы оформления последних при этом весьма существенно изменялись. Бывало и так, что сами ученые в процессе исследования наталкивались на вопросы, решение которых требовало основательной теоретико-мировоззренческой рефлексии. И если эти вопросы удавалось успешно решить, то, с одной стороны, наука обогащалась новыми значимыми результатами, а с другой – какие-то философские проблемы получали заметно иное, чем прежде, осмысление.

Много столетий тому назад в древнегреческой философии возникла идея о существовании атомов – далее неделимых частиц вещества. Уже в Новое время она нашла впечатляющее применение в формирующемся экспериментально-математическом естествознании. В каждой из конкретных наук о природе она имела свои особенности. Косвенно она повлияла, например, на развитие биологии, где сложились своеобразные представления об “атомах” наследственной информации. В науках об обществе тоже использовались представления об “атомарности” социальных качеств. В дальнейшем философия обогатилась понятием “духовного атома” (монады), а в физике было установлено, что атомы вовсе и не атомы, ибо они делимы. Такова непростая судьба одной из философских идей. Трудно бывает даже предположить, где именно и в какой форме подобные идеи станут отправными посылками дальнейшего развития человеческого познания и практики.

Дело, видимо, в весьма высокой общности и связанной с этим некоторой изначальной неопределенности философских понятий и идей, позволяющей им

оплодотворяют не только различные отрасли науки, но и другие сферы или уровни человеческой жизнедеятельности. Часто отмечают, что данные понятия и идеи лишены той строгости и однозначности, которых ожидают и требуют от элементов сложившегося, устоявшегося научного знания. Справедливости ради, надо отметить, что и в науке строгость и однозначность понятий, утверждений и т.д. имеет место и является неоспоримой ценностью далеко не всегда. Она важна в том случае, когда речь идет об инструментальном знании, ибо инструменты должны быть надлежащим образом «заострены». Но требование обеспечить совершенную строгость и четкость используемых понятий неуместно там, где люди сталкиваются с новыми проблемами, смысл и условия, способы решения которых еще не ясны. Применяя в таких случаях некоторые прежние понятия, приходится корректировать их значение, добавляя ранее несвойственные ему оттенки, признаки (коннотации). Новое весьма часто лишено в полной мере ясности, логичности и бесспорности. Новую логику еще предстоит открыть; новый порядок выкристаллизовывается, как правило, из хаоса, к отличительным признакам которого относится неопределенность многих параметров.

Благодаря потенциальной предельной широте и некоторой размытости содержания, неполной определенности философских понятий и идей они способны находить применение не только в научном либо техническом творчестве, но и в тех областях жизни людей, где понятийная строгость и безупречная логическая упорядоченность мыслей не имеют существенного значения, например, в искусстве или в сфере повседневности. При этом речь должна идти не только о прагматически истолкованном применении данных понятий и идей, но и об их генезисе, взаимовлиянии, в целом функционировании в сфере теоретического мировоззрения и за ее пределами. Философия в своем развитии питается отнюдь не только связями с наукой и производными от нее формами человеческой деятельности. Ее основа и область проявления – это вся культура.

Скажем, фундаментальным для философии является понятие общего. Различия в толковании данной категории породили длительную и временами весьма острую дискуссию между номиналистами и реалистами. Обратимся в связи с этим к соответствующей статье, опубликованной в изданном в 1959 году восьмом томе «Словаря современного русского литературного языка», которая занимает пять страниц весьма плотного текста. Здесь выделено 12 основных значений слова «общий» («общее»). Приведем их в том порядке, как они даны в словаре. 1. «Осуществляемый всеми (в обществе, группе, коллективе)»; здесь же «совместный, коллективный, групповой». 2. «Принадлежащий в равной мере всем, всему обществу в целом; всенародный, общественный». 3. «Один и тот же для одного и другого (других), относящийся к одному и другому (другим)». 4. «Одинаково свойственный, присущий всем, всему (в какой-либо категории, группе)». 5. «Одинаковый, сходный по виду, форме у двух, многих лиц, предметов». 6. «Касающийся всего, всех вокруг, распространяющийся на все, на всех вокруг»; здесь же «охватывающий собою что-либо в целом, относящийся к чему-либо в целом». 7. «Применимый ко всему или ко всем вообще, обязательный для всего живущего, для всех мыслящих и т.д.». 8. «Не ограниченный специальным назначением». 9. «Объединенный, собранный воедино; объединяющий всех (в какой-либо группе, в каком-либо коллективе)». 10. «Весь в целом, в полном объеме». 11. «Воспринимаемый в целом, обобщенно, в отвлечении от деталей, частных». 12. «Неконкретный, схематичный, поверхностный». Мы без труда узнаем в этом перечне языковые предпосылки специфических установок номиналистов и реалистов,

а также многое другое, что может оказаться весьма важным не только в философском, но и в обыденном и в любых других дискурсах.

Приведем еще один пример. Глагол “быть” и производное от него существительное “бытие” знакомы и кажутся понятными каждому человеку. Однако философские дискуссии о сущности бытия, начавшись в глубокой древности, не прекращаются и поныне, и нетрудно показать тесную связь их с жизненными проблемами и интересами людей. Не случайно различия в решении подобных вопросов определили становление основных течений мировой философской мысли. Различаясь, они, однако, взаимодействовали между собой, как бы сливаясь в качестве струй единого потока развития теоретического мировоззрения человечества. Своими особыми средствами и способами решения мировоззренческих проблем философия выражает внутреннюю дифференцированность и, вместе с тем, противоречивое единство культуры определенной эпохи. Многообразие философских учений и идей, актуальных для данной культуры, в определенной степени раскрывает многоликость последней. В свою очередь, единство философской мысли, насколько оно достижимо и продуктивно, имеет своим коррелятом единство культуры – либо уже проявившееся, либо, что, наверно, встречается чаще, искомое и желаемое. Философское образование непосредственно связано с процессами дифференциации и интеграции в культуре, а также с формированием мировоззренческих предпосылок человеческого творчества.

Отметим в связи с этим, что связующие, интегративные по своей сути философские идеи не являются чем-то внешним и случайным для творческой деятельности людей. Везде, где усилиями нашего воображения, интуиции и мышления возникают новые идеи (художественные, научные, моральные, политические, хозяйственно-экономические и т.д.), они связывают ранее известное с чем-то неизвестным и поэтому, странным и непривычным, внося свой вклад в расширение, развитие мировоззрения людей. Эти связующие идеи позволяют усмотреть единство и общность там, где прежде виделись лишь несходство и разобщенность. М. Полани подчеркивал, что подлинное открытие не является строго логическим актом; “препятствия, которые приходится преодолевать при решении задач, можно назвать «логическими разрывами», о величине которых можно судить по степени изобретательности, требуемой для решения проблемы... Ширина логического разрыва, преодолеваемого изобретателем, является предметом юридической оценки” [1, с. 180]. Но если бы в содержании культуры не было идеи единства мира и более или менее отчетливого понимания познавательной и жизненно-практической значимости данного единства, то не было бы и попыток преодоления ограниченности устоявшихся, внутренне замкнутых логических схем знания, шаблонов практической деятельности.

Связывание воедино нашим мышлением того, что прежде виделось обособленным, основывается на предположении о существовании весьма широких, даже универсальных объективных связей в мире нашего бытия, а это философско-мировоззренческая идея. Универсальная причинно-следственная связь, взаимопереходы различных явлений и свойств, единство необходимости и случайности, возможности и действительности и многие другие идеи выступают как элементы философского миропонимания и, вместе с тем, как ориентиры творческой деятельности людей в самых разных ее областях и формах. Внутренние потребности философского творчества могут побуждать к приведению этих идей в систему и выстраиванию более или менее последовательных онтологий, гносе-

ологий и методологий, аксиологий, антропологий и т.д. Однако далеко не очевидным является утверждение, что именно целостные системы таких “логий” отличаются наибольшей продуктивностью в плане активизации творческого потенциала людей.

Реальный опыт функционирования философии в культуре свидетельствует скорее об обратном. Стройные системы мировоззренческих понятий, даже если их находят интеллектуально привлекательными, вносят в “жизнь” этих понятий ограничения, отсекающие многие смысловые оттенки и переходы, которые могли бы оказаться весьма плодотворными или, как теперь говорят, креативными. Непререкаемая строгость таких понятий и их связей сродни философско-мировоззренческому догматизму, поскольку речь идет о рассуждениях и выводах, выходящих за рамки имеющегося опыта и основанных на нем надежных, удостоверяющих знаний. Здесь уместно было бы напомнить заключение И. Канта об антиномиях, подстерегающих чистый разум в его попытках умозрительно решить, например, космологическую проблему.

Многообразие и неполная согласованность философских учений и идей не являются свидетельством некоей ущербности философского знания; скорее это его конструктивная отличительная особенность. Полностью устранить данное многообразие не удавалось даже в условиях тоталитаризма, а в “нормальных” обстоятельствах оно позволяет философии достаточно успешно адаптироваться к изменяющейся социокультурной среде, вырабатывать более или менее приемлемые ответы на вызовы времени. Думается, что прекращение генерации имеющих универсалистские притязания философских систем, фрагментирование философских знаний, наблюдаемые в последнее время – это и есть своеобразные ответы на такие вызовы.

Примером может служить судьба материалистической диалектики в современной культуре. Сравнительно недавно она входила в состав официальной идеологии одного из самых могучих государств и притязала на всеобъемлющую применимость и значимость. Потом она пришла в упадок как догматизированная целостность, но вовсе не исчезла из интеллектуального обихода в качестве обширного набора более или менее здравых утверждений и предположений, побуждающих к размышлениям, как и внешне противоположные им философские тезисы, выражающие альтернативные марксистской теоретико-мировоззренческие позиции. Вместо взаимных обвинений и полного неприятия становится возможным мировоззренческий диалог равноправных сторон.

Именно диалог призван стать принципиальным началом современного философско-мировоззренческого образования. Не следовало бы, однако, ограничивать данный диалог рамками одной лишь философии как сферы деятельности соответствующих профессионалов. Дискуссия, начатая по поводу фундаментальных метафизических проблем, нередко получает содержательное продолжение в различных отраслях конкретно-научного познания, в частности, в тех гуманитарных науках, которые выделились из философии и не порывают теснейших связей с ней – в этике, эстетике, культурологии, педагогике, психологии и др. Призвание философии состоит в том, чтобы осуществлять мировоззренческую рефлексию над основаниями культуры, быть теоретическим разумом культуры в целом, а не только ее интеллектуализированных специализированных фрагментов. С ростом общей образованности населения и весьма значительным усложнением жизни людей как в отдельно взятых странах, так и во всем глобализированном мире ощутимо устаревшими и неадекватными новой ситуации становятся,

например, высокомерно-пренебрежительные оценки повседневного опыта и здравого смысла наших современников.

И тот и другой не следует идеализировать; они далеко не всегда “срабатывают”. Кровопролитные конфликты, потрясающие близкие и дальние страны, – это не только результат заговоров и вмешательств извне, но и следствие тягостного, мучительного и трагического разлада в сознании людей. Религия мира и согласия, как обнаруживалось в прошлом и подтверждается в наши дни, может быть использована для оправдания нетерпимости и ненависти. Неумеренный и неумный национализм легко превращается в нацизм. Хотя соответствующие “идеи” рождались в головах отдельных личностей, для превращения их в материальную силу необходимо, как известно, чтобы они овладели массами. Значит, эти массы были хотя бы отчасти готовы к такому развороту хода мыслей и практических действий.

Привыкнув повторять квазидиалектические фразы, мы без труда могли бы напомнить здесь об антагонистических противоречиях как некоей неустранимой реальности. Но это ведь не более чем умозрительные формулы, которые могут оказаться неполными или даже ошибочными. Наличие несовпадения интересов или воззрений вовсе не означает обязательности конфликтного обострения взаимоотношений сторон. В противоположность логике конфликта существует логика компромисса и коммуникативного взаимодействия, направленного на достижение взаимопонимания между сторонами. Достижение взаимопонимания, по Хабермасу, основывается на уважении к позиции другой стороны и на уверенности в разумности партнеров, их способности воспринимать рациональные доводы и двигаться в сторону сближения позиций. Партнер по диалогу должен получить доказательства правдивости вашей позиции, то есть искренности отстаиваемых взглядов и наличия серьезных, ясно выраженных аргументов в их пользу. Цель диалога состоит в том, чтобы найти точки соприкосновения занимаемых позиций, согласования стоящих за ними интересов, исходя из понимания того, что упрямое и непримиримое противостояние приносит взаимный вред. В ходе диалога уразумение сути дела может существенно корректироваться, если приводимые аргументы признаются убедительными. Убеждение, очевидно, несовместимо с насилием, принуждением к согласию.

Когда мы говорим о мировоззренческих убеждениях, имеются в виду не только и, может быть, не столько предельно общие и абстрактные философские положения. С совместным обсуждением правил нашего поступка мы встречаемся, прежде всего, в области морали, пронизывающей повседневную практику коммуникации. Моральный характер наши чувства и мысли, связанные с конкретными жизненными обстоятельствами, приобретают тогда, когда мы соотносим эти обстоятельства с нашими фундаментальными ожиданиями и представлениями о том, как вообще должны поступать люди, будучи разумными и ответственными существами. Универсальность принятых в обществе нравственных правил и норм связана с их личностным характером и притязанием на обоснованность. “Если мы *должны* что-то сделать, значит, мы *имеем основание* сделать это” [2, с. 76]. В ходе обсуждения нравственных правил и норм его участники согласовывают и координируют свои установки и притязания на значимость выдвигаемых ими мотивов и доводов.

Законы природы просто существуют, независимо от того, знаем ли мы их или нет и, если знаем, то что мы о них думаем, как их оцениваем. Нормы общественной жизни вырабатываются самими людьми и обретают действительность

благодаря признанию их значимости и убеждению в том, что их нужно выполнять. По-настоящему действенными являются только те нормы, которые могут получить квалифицированное, вполне осознанное одобрение у всех, кого они касаются. Для этого данные нормы должны обсуждаться в ходе аргументированной дискуссии, ведущей к обдуманной согласованности убеждений и предотвращающей навязывание одними людьми другим своих убеждений о должном, нравственно правильном. Всякая утверждаемая в обществе идеология, полагает Хабермас, должна получать моральную санкцию, иначе ее оправданность выглядит сомнительной. Обо всем том, что признается важным в нашей совместной жизни, надо уметь вести уважительный диалог, искать пути достижения обоснованного согласия.

Происходящая в ходе исторического развития рационализация общественной жизни имеет не только инструментальные аспекты, связанные с практическим освоением достижений науки, техники и технологии. Она, как отмечает тот же автор, предполагает также растущую ориентацию на взаимопонимание, разумное и ответственное обсуждение возникающих проблем. Философия, если она стремится быть востребованной, призвана в этих условиях отказаться от характерных для прежней метафизики претензий на абсолютную истину и заменить ее тотализирующие дискурсы на процедурную рациональность. Философ здесь становится посредником в мировоззренческой дискуссии с участием представителей как повседневных практик, так и экспертных сообществ. При этом философия в целом не предопределяет содержания искомого консенсуса, но она выражает значимость рационального обсуждения выдвигаемых вопросов и, кстати говоря, свидетельствует против ложного согласия, навязанного извне, помимо разумной дискуссии.

Философское образование призвано вооружить учащихся методологией и дать убедительные образцы осуществления конструктивного мировоззренческого диалога. Для этого нужно, сообразуясь с современной социокультурной ситуацией, заново осмыслить историю философии и раскрывающуюся в ней «судьбу» теоретико-мировоззренческих идей, их связь не только с наукой, но и с жизнью в целом. Многие научные воззрения довольно быстро устаревают. Если бы философские учения опирались только на науку, их судьба была бы такой же. Но мы и сегодня, как и наши предшественники столетия тому назад, внимательно вчитываемся в философские тексты Платона и Аристотеля, Канта и Гегеля, как если бы они были нашими современниками. Видимо, корни философских идей весьма глубоки, и выражают они некие общие, универсальные структуры человеческого бытия, чем и обосновывается «вечность» философских идей и их условная, относительная строгость и неполная формализуемость. Например, даже дети интуитивно понимают, что такое время, но ни наука, ни философия не могут исчерпывающе определить и объяснить данное понятие.

Отправляясь от интуитивно ясных понятий бытия, субстанции, материи, духа, пространства, времени, человечности, истины и др., философская рефлексия не только выстраивает логически упорядоченные концептуальные системы, но и создает предпосылки для переосмысления на данной основе всей человеческой практики. Задача философского образования состоит в реализации этой возможности путем разъяснения и «приземления» абстрактных теоретико-мировоззренческих схем с учетом возрастных особенностей, реального жизненного опыта и специфических образовательных потребностей учащихся. На каждом из этапов становления человеческой личности мировоззренческое образование имеет отличительные черты. Общее же в нем состоит в интеграции разных форм зна-

ния и жизненного опыта, позволяющей ориентироваться и осмысленно действовать в меняющихся обстоятельствах.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. **Полани, М.** Личностное знание. На пути к посткритической философии / М. Полани. – Москва : Прогресс, 1985. – 344 с.
2. **Хабермас, Ю.** Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас. – СПб. : Наука, 2001. – 380 с.

Поступила в редакцию 09.04.2015 г.

Контакты: philos-mogilev-msu@mail.ru (Вишневецкий Михаил Иванович)

Vishnevski M.I. INTEGRATIVE POTENTIAL OF PHILOSOPHY STUDIES.

The study of philosophy is associated with the implementation of the theoretical and worldview synthesis. This synthesis provides new ideas which guide various activities. The diversity of such ideas allows interpreting them in different ways, connecting dissimilar specifications. Worldview dialogue is the way to achieve mutual understanding and prevent conflicts.

Key words: Worldview education, philosophical synthesis, philosophical dialogue.

Электронный архив библиотеки МГУ имени М.В. Ломоносова А. Кулешова